

БУЗОВЬЯЗЫ

Много я постранствовал по свету.
Были ветры, стылый ветер дул,
По зиме, по осени и лету
Я немало горюшка хлебнул.

Жизнь есть жизнь...

Мне от судьбы-заразы
Не сбежать, не скрыться в камыше,
Но приеду снова в Бузовьязы —
Мигом потеплеет на душе.

Боль затихнет, полегчает сразу,
Встречный ветер высушит слезу.
Поклонюсь я низко Бузовьязам
И слова любви произнесу,

Вымолвлю: «Село моё, спасибо,
Здесь я рос и запрягал коня,
Ты всегда спасало от ошибок
Всех сельчан и в том числе — меня».

В давних-давних призраках тумана
В памяти всплывают у плетня
Мударис — отец мой — Сулейманов,
Рядом мама — свет-Магдания.

Всё здесь близко, сызмала знакомо,
У ворот родных остановлюсь,
Низко поклонюсь родному дому,
Самому Аллаху поклонюсь.

В РОДНОМ КРАЮ

Сторона моя родная,
Радость, молодость, печаль,
В Бузовьязы возвращаюсь,
Чтобы душу врачевать.

В пору давнюю, бывало,
Наша мама в будний день
Нам рубахи полоскала
В светлой реченьке Узень.

Речка ведала рассказы,
Дробь дробили соловьи...
Бузовьязы, Бузовьязы —
Вечный зов моей любви.

Мне в дороге солнце светит,
Мне по жизни повезло,
Потому что есть на свете
Это славное село.

Близко-близкое, родное
До последнего куста.
Перед отчей стороною
Совесьть у меня чиста.

РОДИНА

А бывает так:
Надежда рухнет,
Жар души — как летний зной спадёт.
Сразу взгляд доверчивый потухнет,
Сердце болью временной сведёт.

Тяжело.
Но кто-то рядом снова
Окрылённо вдруг произнесёт
С детства полюбившееся слово,
Пламенно зовущее вперёд.

Родина...
И вновь открыты дали.
Родина...

И станешь вдруг сильней.
Это слово мы в себя впитали
С молоком любимых матерей.

Грусть и тяжесть —
Вдребезги, как стёкла,
Нам на месте не к лицу стоять.
Друг мой, знаешь,
С этим словом тёплым
Легче жить
И легче побеждать.

РОССИЯ

Как пахарь в дом после работы
Как ласточка перед полётом,
Войди увереннее в стих,
Земля, пропитанная потом
Великих прадедов моих.

Войди тоскующею ивой,
Цепочкой синих тополей,
Такой невиданно красивой
В расцвете зрелости своей.

Войди, а мы увидим снова
Не только тополь вдалеке,
А подвиг Дмитрия Донского
На исторической реке.

Увидим и твои откосы,
И старый, кряжистый Урал,
И как Михайло Ломоносов
В Москву с обозом пришагал...

Какие б ни вставали беды,
Каким бы чёрным ни был год —
Всегда одерживал победы
Твой героический народ.

Башкир и русский — вместе жили,
Делили всё напополам,
И дружбу общую крепили
Россия и Башкортостан.

Перенесла ты все атаки...
О славу боевых знамён
Сломали голову поляки
И Бонапарт Наполеон.

...Как ручейки всегда находят
Большой простор широких рек,
Так и другой великий век
На смену старому приходит.

Вы слышите: гремят просторы?
Вы слышите: земля гремит?
Встаёт Башкортостан, который
О новой эре говорит.

Россия! Ты теперь окрепла
Как никогда,
Как никогда!
И снова поднялась из пепла
Леса, заводы, города.

Народ идёт неколебимо
На труд, на подвиг и на бой,
Связав навеки воедино
Свою судьбу с твоей судьбой.

И поднимаются заводы,
Растут хлеба,
Цветут сады
Под алым знаменем свободы,
Под светом праведной звёзды.

Я в этой повседневной лаве
До окончания пути
Твои победы буду славить,
Твои законы буду чтить.

РОДНИК

Я долго странствовал по свету
И вот, свернув с чужих дорог,
Пошёл лесной тропой рассветной
Туда, где булькал ручеёк.

До сих пор я думаю порою,
Что идущим по пути вперёд
Память легендарного героя
Мужество и силы придаёт.

Пусть проходят над землёю годы,
Пролетают гулкие века —
Не померкнет в памяти народа
Зоревое имя земляка.

ДРОВА

Когда в избе не грела печка,
И еле теплилась свеча,
Я шёл за хворостом за речку,
Салазки тяжко волоча.

Стоял мороз, и ноги вязли,
И сам я до костей продрог,
Но в незабвенном Бузовьязе
Горел в окошке огонёк.

Солома в печке догорала,
Стучали ходики в тиши,
Ждала меня тревожно мама,
Ждало тепло её души.

Отец пилу точил за дверцей,
Забывшую дрова давно,
И ненароком с болью в сердце
Порой заглядывал в окно.

Хлебнувши горюшка немало,
После войны он мало жил,
Израненный, больной, усталый,
Минутой каждой дорожил.

Когда тяжёлые салазки
С вязанкой дров я привозил,
То наступала дома сказка,
И набирала печка сил.

Отец пилу отложит в ящик
И сам себе произнесёт:
— Растёт мужчина настоящий,
Опора наша и оплот.

В КНИЖНОМ МАГАЗИНЕ

Если даже в лавке давка —
Любознательный народ
Мимо книжного прилавка
Ни за что не обойдёт.

В магазине книг немало,
И в округе каждый знал:
Мама книги продавала,
Ей сынишка помогал.

Я не видел, сознавала ль
Продавщица этих книг,
Что она обогрела
Покупателей в тот миг.

Уяснил одно я позже:
В жизни, на путях крутых,
Книги выше и дороже
Денег, отданных за них.

Быстро время пролетело,
Но мы помним как один:
Словно факел Прометея
Был тот книжный магазин.

СЕНОКОС

Люблю я звонкий сенокос,
В нём есть лихой азарт отваги,
И шелест утренних стрекоз,
И треск кузнечиков в овраге.

Идёт отец за кругом круг,
Я вслед за ним иду с косою,
И даль окрестная вокруг
Сверкает раннею росой.

Трава под острою косою
Ложится наземь ряд за рядом.
Я чувствую — следит за мной
Одна девчонка нежным взглядом.

Она — как ягодка в лесу;
Глаза — как вишенки на ветке.
Нарву цветов и поднесу
Букет взрослеющей соседке.

А поздно вечером она —
И впрямь как будто с неба манна —
Нальёт нам в кружки не вина,
А ледящего айрана.

Усталость снимет как рукой.
И, правда, напролёт всё лето
Готов я с девушкой такой,
Процеловаться до рассвета.

Ах, давний-давний сенокос!
Мой праздник юности давнишней!
Не слышно больше звона кос,
Не видно любопытных вишен.

Куда-то молодость ушла,
Уже листву роняет осень.
Моя усталая душа
Грустит о давнем сенокосе.

У РОДНИКА

Благодатный дождь души,
Мои слёзы осуши,
Дай глазам моим напиться
Несравненной красотой,
Где когда-то шла девица
С коромыслом за водой.

За спиной коса змеилась,
Туго в ленту завита,
У неё в глазах дымилась
Неземная красота.

Я, горячий и мятежный,
Караулил у ворот
Ту божественную, нежную,
Что ко мне с водой идёт.

Улыбнётся мне знакомо,
Попрошу глоток воды.
Далеко ещё до дома,
Недалёко до беды.

Пролилась вода из вёдер,
Ну и чёрт с ней! Ну и пусть!
Хоть на Вислу, хоть на Одер
Повторим отцовский путь.

За удачей, за водою
Мы вернёмся к роднику,
Чтобы силой молодою
Расплескать нам грусть-тоску,

Чтобы вволю целоваться,
Миловаться вновь и вновь,
Не сумеет расплескаться,
Как из вёдер, свет-любовь...

...Жаль, что простучали годы
Звонким цокотом копыт,
И мятежный дух свободы
Нами начисто забыт.

Хоть в лепёшку расколоться,
В будний день иль выходной —
Не пойдём с ведром к колодцу:
Есть на кухне кран с водой.

...Благодатный дождь души.
Мои слёзы осуши,
Дай хотя б на миг вернуться
В те далёкие края,
Вспомнить юность, улыбнуться:
— Здравствуй, молодость моя!

НА ПЕНСИЮ УЧИТЕЛЬ НЕ УХОДИТ

И маленькие в зале, и большие,
И негде падать яблоку окрест.
Раскатисто и чуточку фальшивя,
Рокочет школьный духовой оркестр.

Уймись, труба!
Тромбоны, замолчите!
Тихомирься, громкий барабан:
Сейчас уйдёт на пенсию учитель —
Как с палубы уходит капитан.

Уходит не в большую перемену,
Не просто до звонка на пять минут:
Другая жизнь пророчит перемену
Шумливых буден
В тихонький уют.

«А всё ли сделал, — думает, —
учёл ли?..» —

И в первый раз туманятся очки.
Опять шумят задумчиво, как пчёлы,
Трудолюбивые его ученики.

Ему директор руку пожимает,
Целует завуч ласково его.
Учителя на отдых провожают,
Желают счастья,
Лучшего всего.

Уймись, труба!
Тромбоны, замолчите!
Учителю сегодня нелегко,
Но не уйдёт на пенсию учитель —
Останется в сердцах учеников.

Он среди них останется навеки,
Как среди тех,
Которые ушли
Перекрывать стремительные реки
И строить явь необжитой земли.

Он нефть качает и заводы строит
Рукою своего ученика.
Он жив в сердцах —
Как память о герое
Среди солдат гвардейского полка.

На пенсию учитель не уходит,
Он остаётся надолго в строю,
Невидимо присутствует в походе
И держит знамя Родины в бою.

Звонок последний отзвенит,
весёлый,
Но каждый ученик до склона дней
В любых дорогах
Будет помнить школу
И добрый взгляд своих учителей.

НАВСТРЕЧУ БУДУЩЕМУ ВРЕМЕНИ

Вставал рассвет...
Я вышел из дому
На зоревом зачатъе дня,
Звезда далёкая неистово
За горизонт звала меня.

Сползала вниз луна двурогая,
Сгорали звёзды на лету,
И вышел в дальнюю дорогу я
Торить победную тропу.

Я шёл в мороз, в дожди обвальные,
Дойдя до цели, вдруг гляжу:
Мне вновь сулит дорога дальняя
Маршрут к другому рубежу.

Я сам — в седле,
а ноги — в стремени,
Мне все преграды по плечу.
Навстречу будущему времени
С надеждой новою лечу.

Улетают журавли на юг,
Плач их грустен до душевной боли,
Над деревней сделав плавный круг,
Приземлились на прощанье в поле.

Отдохнут — и на заре, чуть свет,
Улетят в чужие заграницы;
Но прекраснее России нет.
Это понимают даже птицы.

И тогда над роздымью полей
По весне, лишь отойдут морозы,
Встретят возвращенцев-журавлей
Белые российские берёзы.

В Африке тепло...
В конце концов,
Нет зимы и сроду лето в силе,
Но, однако, выводить птенцов
Птицы возвращаются в Россию.

...Вот и я, полно пройдя дорог,
Весь до плеч и с головы до ног
Тяжкими заботами повязан,
Возвращаюсь на родной порог
В материнский дом свой,
в Бузовьязы.

РАБОТА

На силуэты хрупких веток
Упала влажная роса.
И до прозрачного рассвета -
Всего каких-то три часа.

Мой сон в такую ночь недолог.
Проснусь и выйду на простор,
Когда заря купает полог
В туманной свежести озёр.

Уйду в расцветенное утро
Навстречу радостным ветрам.

И вновь речному перламутру
Привет от солнца передам.

По мокрым травам выйду в поле.
Спущусь с косой в глухой овраг,
Набью кровавые мозоли
На тяжелеющих руках.

И рукавом росинки пота
Сотру я с влажного лица,
Так хорошо всю сласть работы
На сердце чуют до конца!

ОТЕЦ

Жаль, что в доме отца,
В Бузовьязах, бываю я редко,
Но, вернувшись сюда,
У родного присяду крыльца,
Вспоминаю своих
Работающих и праведных предков,
И особенно часто
Воскрешается образ отца.

Мударис Сулейманов
Был в боях и контужен, и ранен,
По Германии шёл,
Дошагал до китайских границ.
Положу на могилу его
Я букет запоздалой герани,
Припаду на колени
С головою, опущенной ниц.

Дома пахарем был,
А в годину войны стал солдатом.
Много видел отец.
Переделал немало работ,
Его солнечный облик поныне
Светло и крылато
До последней морщинки
В моём памятном сердце живёт.

Это были
Немыслимой силы гвардейцы эпохи,

Деловиты на деле,
Скупы на пустые слова,
Я не властен судить —
Как жилось: хорошо или плохо,
Но такими, как он,
Наша Родина вечно жива.

О СЕБЕ

Первый день весны, начало марта.
Отрываюсь к финишу в рывке.
Думалось: как далеко до старта
Мне шагать со знаменем в руке.

Рассыпались утренние росы,
Растекаясь по траве как ртуть,
Хорошо во время сенокоса
На душистом сене отдохнуть.

Или в дни каникул по деревне
Пробежать на сенокос к отцу.
На меня столетние деревья
Розовую сыпали пыльцу.

Я умел держать топор и вилы,
Лес рубить и сено ворошить,
В детстве небо нас благословило
Беззаветно Родину любить.

В школе дали крылья аттестата,
Закаляла армия потом,
В институте бывшему солдату
Выдали положенный диплом.

Я ушёл в большой и шумный город,
Но и здесь, дыхание тая,
Помнил я моё село, в котором
Начиналась Родина моя.

Вспоминаю командира роты:
В ком-то из солдат узрев изъян,
Он шумел, что люди без работы
Переходят к виду обезьян.

— Лодырям не пожалею перца! —
Кипятился. — Повторяю вновь:
Главное, чем дышит наше сердце —
Родина, работа и любовь!

Раньше думал я: пройдут полвека,
И наступит жизненный закат.
Оказалось, что для человека
Это только полдень — пятьдесят.

Дом построил, посадил деревья,
Выпестовал сына, дочерей.
Выполнил, как говорится, древний
Аманат-наказ родни моей.

До сих пор не опускаю руки.
Рвусь вперёд я, и важней всего
Будут сулеймановские внуки
Продолженьем рода моего.

...Встало солнце... День ещё в начале,
То, что не доделал, — не беда...
От моей полуночной печали
Не осталось малого следа.

МУСТАЙ КАРИМ

Читаю стихи я Мустая Карима,
Какая стихия представилась мне:
Как будто с живым я сижу...

говорим мы

О жизни, о подвигах и о войне.

Мы с ним говорим
о Советском Союзе,
Которого ныне на глобусах нет.
Затянуты нервы в трагический узел.
О тяжкой потере страдает поэт.

В суровое время, в военные годы
Он близил в атаках
победный рассвет:

Валялся в окопах,
был вместе с народом —
Солдат, офицер и к тому же — поэт.

Поэзия — это не запах нектара,
А жажда победы в нелёгком пути,
Мы — стая Мустая, мы искры Икара,
И нам их огонь —
до скончанья нести.

Поэты идут, не сгибая колени,
Они нам наставники, песни и суд.
Высокую правду былых поколений
В грядущее время потомкам несут.

ОТЦОВСКИЙ КОНЬ

Был отец мой молод и горяч,
Без оглядки торопил коня,
По земле летел отец мой вскачь,
Не жалея своего огня.

На работе расшибался в дым,
Польхал он, а не тлел в золе,
Потому и умер молодым,
Добрый след оставив на земле.

Я с отца во всём беру пример,
Не нужны мне в жизни
кнут и плеть,

На коне отцовском мчусь в карьер,
Чтобы все невзгоды одолеть.

Рано я покинул отчий дом
И переступил родной порог,
Конь отцовский мчится напролом
В дебри нескончаемых тревог.

На коне лечу я день ко дню,
Как и встарь,
в коленях конь не слаб,
По-отцовски я его гоню,
Не боясь ни рытвин, ни ухаб.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Гром утих за дальним перелеском.
Вышло солнце вновь из облаков.
Кажется, начищено до блеска
Вымытое золото хлебов.

Как легко дышать!
И как просторно
Ловит взгляд мельчайшую деталь:
Наклонились травы к тропке торной,
Зеленеет вновь лесная даль...

Мне казалось утром, что головки
Васильков
Шальной жарой сожжёт.
А сейчас над ними кружат ловкие
Пчёлы, собирающие мёд.

Белым снегом разлилась гречиха,
Белая, она слепит глаза.
На ветру кокетливо и тихо
Отдохнуть присела стрекоза.

Жаворонок, дождиком умытый,
На тропу просёлочную сел
И, напившись из следа копыта,
Весело над нивою взлетел.

МОЙ СЫН

Мы вдохновенно пишем и горим,
Живём, спеша.
Но главное — не это:
Чтоб вспомнил мир добром,
как говорим,
Ты сына воспитай
с душой поэта.

Весна прошла,
жизнь клонится к зиме,
Не вяжется строка в стихотворение,
Гляжу, мой сын шагает по земле —

Поэт в душе,
и он — моё творение.

На прутике пока,
не на коне,
Он по тропинке деревенской скачет,
И при любой малейшей неудаче —
Украдкой ото всех
слезливо плачет,
Скрывая слёзы,
жалуется мне.

Не плачь, сынок,
всё надо одолеть,
Пойми сейчас,
Что нелегка дорога,
До самого созвездья Козерога
Ещё успеешь завтра долететь.

ПЕСНЯ В ПОХОДЕ

Побелели пилотки от соли,
Гимнастёрки прилипли к спине...
Эта степь, это гладкое поле
Бесконечными кажутся мне.

Но солдаты идут, не сгибаясь,
Ни на миг не сбиваясь с ноги.
Я в душе и сержусь, и ругаюсь,
Что небрежно надел сапоги,

Тяжело подгибаются ноги,
А привал ещё очень далёк...
Не встречалось труднее дороги
Из искоженных мною дорог.

До прохлады речной, до привала
Я не выдержу, видно, в строю.
Только вдруг затянул запевала
Соловьиную песню свою.

Сразу легче и радостней стало,
С запевалой вся рота поёт.

И смело как рукою усталость,
Словно не было вовсе её.

ТЁТЯ БИБИНУР

День был пасмурен и хмур,
Всё уныло было,
У соседки Бибинур
На душе постыло.

Пьян опять её мужик,
Без присмотра дети.
Как она живёт, так жить —
Хуже нет на свете.

Куры крутятся у ног,
Пропустила дойку,
Хулиганистый сынок
Заработал двойку.

Тяжело житьё-бытьё,
Хмурая, как туча.
Настроенье у неё —
Явно не из лучших.

День был пасмурен и хмур,
И без проволочек
Я соседке Бибинур
Преподнёс цветочек.

Зацвели её глаза,
И душа запела.
Как приречная лоза —
Вся помолодела.

Вы наплюйте на беду,
Мы ж рядом, слава Богу,
Я вам, тётя, приведу
Всю школу на подмогу.

У неё в руках цветы,
Улыбнулась: рада.
Как немного теплоты
Человеку надо!

МАМИНА МОЛИТВА

Мама испечёт пирог,
На столе его разрежет
И немного за порог
Кинет птичкам крошек свежих.

Клюй, заморыш воробей,
Клюйте, бедные синички,
За страдания людей
Помолитесь Богу, птички.

Птицы певчие поют
Да за пищей рвутся к битве,
Всё они съедят, склюют,
Не подумав о молитве.

Грешны мы... И день ко дню
Люди грех вершат, наверно,
Высоко теперь ценю
Мамину святую веру.

Есть икона, стол неплох,
Хлеб не чаем запиваю,
А вот кинуть птичкам крох —
Очень часто забываю.

За забывчивость мою
Надо б маме помолиться,
Но давно уже в раю
Мама — ангельская птица.

ХОТЯ БЫ МИГ ЕЩЁ...

Объехав страны, встретив города,
Узнав всему положенные цены,
Всё завершу, подумал, и тогда
Возможно уходить с широкой сцены.

Прошли года, жара на нет сошла,
И уходить уже
как будто можно,
А завершить насущные дела —
Не хватит жизни,
Это невозможно.

Всему есть край,
где наш последний крик
Молитвой безответною растает:
Ах, дайте день один,
хотя бы миг!..
Но этого на свете
не бывает.